

Mark Raeff. *Russia Abroad. A cultural History of the Russian Emigration, 1919—1939.* New York—Oxford: Oxford University Press, 1990. 239 p.

Повысившийся в последние годы интерес к творческому наследию русского Зарубежья вполне объясним. Огромный пласт национальной культуры, ставшей по существу общемировым достоянием, был в течение многих десятилетий скрыт от широкой общественности нашей страны. Атлантида, не затонувшая, а утопленная (это меткое сравнение принадлежит литературному критику Павловой-Сильванской), стала возвращаться к рядовому читателю, зрителю, слушателю. Большую роль в этом сыграло открытие спецхранов ведущих библиотек. Читатели получили возможность знакомиться с так называемой эмигрантской литературой (представленной в наших фондах, к сожалению, весьма неполно), трудами западных ученых-историков, политологов, социологов, пишущих на темы о России.

Рецензируемая книга относится к научным исследованиям, посвященным истории русской эмиграции первой волны. Ее автор, американский ученый русского происхождения Марк Раев, довольно долго занимал должность профессора истории русской культуры в Колумбийском университете (США). «Русское Зарубежье...» является уже четвертой книгой М. Раева о России и ее культуре. Автор книги постарался осветить все основные аспекты культуры русской эмиграции 1919—1939 гг. Широта охвата проблемы, обилие имен, названий, ссылок, солидный статистический материал свидетельствуют о большом труде, вложенном М. Раевым в это исследование. Автор, однако, не задавался целью создать нечто наподобие энциклопедии русской эмиграции.

Фактический материал перемежается в тексте с обобщениями, концептуальными выводами. При всей добротности работы М. Раева определенная уязвимость ее обобщений в принципе была неизбежной. В одних случаях причиной этому является недостаточный «массив» сведений, на основании которых делаются выводы. В других — использование автором высказанных ранее оценок, зачастую субъективных, спорных или излишне идеологизированных. Наконец, третий существенный фактор — это «тонкость» самого объекта исследования: нации, ее самосознания и культуры.

«У нас по вопросу о жизни наций ничего не сделано, я бы сказал, ничего не начато, — писал в 20-х гг. историк Р. Ю. Виппер, — ...у нас нет описания национальной жизни, национального творчества, у нас нет материала для сравнений и заключений. Наши диалектические, платоновские и другие методы, которыми мы до сих пор орудовали, — богословская схоластика и больше ничего».

К сожалению, многое свидетельствует о том, что до настоящего времени випперовская оценка оста-

ется хотя и чрезмерно резкой, но недалекой от истины. Впрочем, труд М. Раева как раз и направлен на исследование той части истории России, которая изучалась лишь эпизодически и, мягко говоря, не всегда объективно. Последнее замечание не относится к ряду работ, принадлежащих перу представителей русского Зарубежья, таких, например, как П. Е. Ковалевский — автор книги «Зарубежная Россия» (Париж, 1971).

Возвращаясь к монографии М. Раева, отметим, что в любом случае она входит в число лучших исследований о судьбе и культуре русской эмиграции первой волны. Книга состоит из восьми глав, каждая из которых читается как законченное эссе.

Введение («Вырванные из родной почвы») интересно изложением концепции автора в отношении к избранной теме. Для него русская эмиграция 1919—1939 гг. уникальна и несравнима не только с имевшими место вынужденными исходами населения других стран, но и с эмиграцией из России второй и третьей волны (после 1945 г. и в 70-х гг.). Русские эмигранты 20—30-х гг. возложили на себя миссию сохранить традиционные ценности культуры своей страны, воссоздать в изгнании общество, живущее полнокровной духовной жизнью. Зарубежье стало для них как бы второй Россией, территориально находящейся вне своих исторических границ, но тем не менее продолжающей идти истинно русским путем, на котором не сказался октябрьский переворот.

В главе «Униженные и оскорбленные: изгнание» показаны драматические условия, в которых формировалось русское Зарубежье. Первый поток эмигрантов, вытесненный фронтами гражданской войны и встретивший наибольшие лишения, шел преимущественно через Черное море в Турцию. Вскоре масса русскоязычных беженцев (эмигрантов из России в 1920—1925 гг. было не менее 1 млн человек) растеклась по многим странам Европы и Азии, включая Болгарию, Королевство Сербии, Хорватии и Словении, Чехословакию, Польшу, прибалтийские государства, Францию, Германию, Манчжурию и другие страны. Заинтересованность в дополнительной рабочей силе, лояльность местных законов к национальным меньшинствам и другие факторы оказали существенное влияние на расселение и ассимиляцию русских эмигрантов в различных странах. Подлинными центрами русской культуры за рубежом на какое-то время стали Париж, Берлин, Прага. Здесь были созданы учебные заведения с преподаванием на русском языке, сформированы научные группы, куда вошли крупные ученые-выходцы из России, стала выпускаться художественно-публицистическая и научная литература.

Активность культурной жизни изгнанников из России и их стремление сохранить традиции общественно-политической, литературной, педагогической деятельности объяснялись ностальгическим желанием возвращения на Родину, надеждой на недолговечность большевизма. Невидимый барьер отделял русскую диаспору от окружающей социальной среды, неистребимая потребность ощущать свою национальную общность мешала большинству русских ассимилироваться в принявших их странах.

В главе «Сохранить и передать: образование в изгнании» описано, как реализовывалась задача передать традиции русской национальной культуры подрастающему поколению: были сохранены некоторые кадетские корпуса для мальчиков, институты благородных девиц; созданы многочисленные школы и гимназии, где русский язык, литература, история, география и другие предметы преподавались выходцами из России; образована Ассоциация учителей-эмигрантов, собиравшая представительные конференции и издававшая журнал и информационные бюллетени. Тем не менее система начального и среднего образования русского Зарубежья при всей ее гуманистической направленности не избежала политизации (хотя и не в такой степени, как народное образование в Советской России). В результате, например, реформа орфографии русского языка, подготовленная еще в дореволюционные годы, надолго задержалась за рубежом только потому, что ее приняли большевики.

Переходя от среднего образования к высшему, М. Раев рассказывает о деятельности ряда русских ученых, научных групп и обществ в Париже, Праге, Берлине, а также в некоторых других городах: Белграде, Софии, Риге, Харбине и т. д. При этом он отмечает, что русскими учеными-эмигрантами был сделан значительный вклад в мировую науку в области философии, литературы, истории, не очень заметный — в области социальных наук и практически несущественный — в области естественных. С этим выводом американского историка трудно согласиться. В сфере социологии выходцы из России получили широкую известность, достаточно назвать имена таких ученых, как П. А. Сорокин (к сожалению, не упомянутый в книге Раева) и Н. С. Тимашев. В области естественных и технических наук ученым-эмигрантам по вполне понятной причине заявить о себе действительно было труднее, чем философам, историкам, литераторам: работа в этой области требует, как правило, «оживления» в научных коллективы, имеющие необходимые экспериментальные базы, а иногда и опытно-промышленные производства. Для признания достижений естественников, приехавших на Запад из России, был необходим определенный период латентного накопления научных результатов. Тем не менее в рассматриваемые годы высокую оценку за рубежом получили работы многих представителей естественных наук, эмигрировавших из России. Помимо имен, перечисленных Раевым, назовем, например, такие: астроном О. Л. Струве, физиолог В. Н. Боддырев и Б. П. Бабкин, геологи Н. И. Андрусов и Н. Н. Меншиков, почвовед В. К. Агафонов, биолог К. Н. Давыдов, физик В. Ф. Горшков, металлург А. Н. Глазунов.

Значительный интерес представляет глава «Галактика Гутенберга: публикации в Зарубежье». Имя основателя европейского книгопечатания использовано в названии главы не случайно: издание газет, журналов, сборников статей, учебников, сочинений классиков и так далее стало для изгнанников из России основным способом культурного общения, утверждения национальной принадлежности людей, рассеянных по разным странам и материкам. Масштабы этой деятельности были поистине беспрецедентными. В дополнение к Раеву можно, в частности, привести такой курьезный факт: в 1926 г. количество изданий на русском языке, вышедших в Берлине, превысило количество немецкоязычных изданий. Без сомнения, глава, посвященная издательской практике русского Зарубежья, — одна из наиболее удавшихся автору. Раев показывает свою широкую осведомленность в деятельности русских эмигрантских газет и журналов, выходивших в Париже, Берлине, Риге, Белграде и других городах; знание разнообразных, теперь уже забытых причин, оказывавших влияние на жизнь литературных и журналистских кругов русского Зарубежья.

Очень непростую задачу поставил перед собой М. Раев в главе «Сохранить и развить: что такое русская культура?». Конечно, нельзя считать полным ответ на поставленный в заголовке вопрос, если назвать имена наиболее известных русских писателей, поэтов, композиторов, художников, философов, деятелей науки и техники, белло охарактеризовав их творчество. В поисках корней культуры русской эмиграции М. Раев обращается к «серебряному веку» русской культуры, определив его периодом 1890—1914 гг. (название «серебряный век» возникло по аналогии с золотым веком русской литературы времен Пушкина).

Общезвестно, что символизм, характерный для поэзии «серебряного века», имевший место также в изобразительном искусстве и музыке, сыграл определенную роль при формировании культуры русского Зарубежья. Нельзя отрицать и влияния западной культуры: французской поэзии (Бодлер, Верлен, Рембо), немецкой философии (Шопенгауэр, Ницше, неокантианцы) и т. д. Возражение вызывает то, что у Раева при поиске корней эмигрантской культуры на второй план отходит классическое русское наследие. Так, при оценке автором значения Толстого и Достоевского сказалось влияние на него взглядов кадетских и эсеровских кругов русской эмиграции, которые подвергли идеологизированному «пересмотру» роль классиков отечественной литературы. В мучительных поисках ответа на вопрос «почему стал возможным большевизм в России?» представители этих кругов не обошли критикой самых крупных писателей прошлого. Толстой был обвинен ими в том, что своей философией непротипления злу насилем, с одной стороны, и непочтением к государственным структурам, с другой, он способствовал анархии и революции. Достоевскому же, популярность которого за рубежом с начала века непрерывно росла, критики не могли простить того, что своим чрезмерным вниманием к психологии индивидуума он создавал на Западе образ психически нездоровых, непредсказуемых русских, для которых приход большевизма почти что закономерен.

Очень бегло в этой главе освещает Раев вклад в мировую культуру русских деятелей науки и техники. Отмечая, что в отдельных областях (биология, аэродинамика) ученым и инженерам из России удавалось стать лидерами, автор называет имена тех, кто получил наибольшую известность: В. П. Ипатьева, С. П. Тимошенко, И. И. Сикорского, В. Н. Юркевича и др. «Хочу подчеркнуть особо, — пишет М. Раев, — что все эти мужчины (увы, среди них не было женщин), а также их менее выдающиеся или менее удачливые коллеги получили образование и сделали свои первые независимые шаги в дореволюционной России. Созидательная атмосфера «серебряного века» дала им новые перспективы и смелость для работы на границах познанного» (с. 109). Красивое, но некорректное обобщение. Продолжив список выдающихся выходцев из России, мы неизбежно нарушим нарисованный М. Раевым портрет пылкого мужчины дореволюционной закалки. Назовем, например, «отца телевидения» В. К. Зворыкина, получившего высшее образование в дореволюционной России, но сделавшего свои первые профессиональные шаги уже в США; Нобелевского лауреата В. В. Леонтьева, окончившего университет в советской России и после этого выехавшего на Запад; выдающегося физика Г. А. Гамова, плодотворно работавшего до эмиграции в СССР. Успехов в области естественных наук добились и женщины, эмигрировавшие из России. Упомянем хотя бы двух из них: профессора Радиевского института в Париже Н. А. Добровольскую-Завадскую и профессора ботаники Е. П. Сорокину, работавшую в Бостоне (США).

В главе «Церковь и религия в диаспоре» М. Раевым анализируются процессы формирования православной церкви русского Зарубежья (характерные условия создания приходов, взаимоотношения священного синода и митрополита Евлогия, особая роль протоиерея С. Булгакова и т. д.). Вероятно, для нашего читателя наибольший интерес представит описание той тенденции в культуре русского Зарубежья, которую можно назвать слиянием интеллектуального и религиозного начал в жизни человека. Основным средством выражения такой идеи стал журнал «Путь», издававшийся с 1925 по 1939 г. под руководством и при непосредственном участии выдающегося мыслителя Н. А. Бердяева. Как правило, то, что высказывалось редактором журнала «Путь» на его страницах, воспринималось эмиграцией довольно неоднозначно, тем не менее идеи Бердяева о новой русской культуре, тесно связанные с православием, оказали заметное влияние на религиозный, философский и социальный менталитет русского Зарубежья.

Главой «Историки и история русского Зарубежья» в контексте всей книги автор в первую очередь отдает дань своим профессиональным интересам. Хорошо зная работы российских историков, М. Раев не ограничивается обзором их деятельности, а дает общую оценку отечественной историографии. История России, как считает Раев, писалась нашими соотечественниками (естественно, досоветской формации. — В. Б.), как правило, с позиций позитивизма (исключением являлся Ключевский). Позитивизм в данном случае означает перегруженность фактами, шаблонность схем исторического развития, редкое использование в описаниях ярких

драматических событий, имевших личностные моменты, что делало историю неинтересной для рядового читателя. Кроме того, на историографию оказал влияние общий настрой русской интеллигенции: использовать историю главным образом как научную основу для критики и борьбы против автократии, а в русском Зарубежье — против большевизма. Россиянам не свойствен, по мнению Раева, интерес к прошлому, не связанный с утилитарными задачами.

В последней главе «У рек Вавилона» М. Раев вновь возвращается к изначальному вопросу: русское Зарубежье — это лишь одно из явлений, имевших место и у других наций, либо его можно отнести к историческим феноменам? И хотя содержание предшествующих глав по существу дает ответ на этот вопрос, автор приводит обстоятельные сравнения русской эмиграции 20—30-х гг. с различными историческими прецедентами вынужденного переселения в другие страны: исходом евреев из Египта и Вавилона; перемещением генов, вызванным протестантским реформаторством; польской эмиграцией, последовавшей за вторжением в Польшу в 1830 г. войск Николая I; происходившим уже в XX в. бегством от геноцида в Армении, от франкистского и гитлеровского режимов в Испании и Германии и т. д. Вывод М. Раева однозначен: существование русского Зарубежья является беспрецедентным феноменом в истории. Уникальность его заключается прежде всего в огромном культурном наследии, созданном замечательной плеядой российских писателей, ученых, инженеров, художников, музыкантов, работавших за рубежом. Несомненно, глубоко воздействие этого наследия на страны, в которых пришлось жить русским эмигрантам.

В конце книги М. Раев выражает надежду на то, что достижения наших выдающихся соотечественников-эмигрантов пополнят и сокровищницу национальной культуры, а история русского Зарубежья станет достойной неотъемлемой частью истории России.

Можно не сомневаться, что так оно и будет: мы уже стали свидетелями возвращения в нашу страну сочинений Аверченко и Гиппиус, Бердяева и Флоровского, полотен Шагала и Кандинского и т. д. Мы будем радоваться возвращению каждого неизвестного нам имени, но, увы, к этой радости будет примешиваться горечь от того, что слишком долго мы изучали биологию — по Лысенко, философию — по Митину, поэзию — по Джамбулу.

Рекомендуя читателям очень содержательную и поучительную книгу М. Раева, хочется привести в заключение выдержку из этой книги, звучащую в наши дни так же актуально, как и во времена русской эмиграции первой волны: «Есть много подтверждений тому, что в период, когда традиционная политическая или социополитическая система переживает большую катастрофу либо рушится совсем, появляется тенденция найти описания общественной жизни, дающие более глубокую перспективу и более надежный фундамент для ощущения исторической устойчивости и общности» (с. 168).

Тем, кто заинтересовался книгой М. Раева, остается сообщить одну плохую и одну хорошую информацию. Плохая состоит в том, что этой книги нет в публичных библиотеках. Хорошей же новостью является то, что перевод на

русский язык монографии М. Раева «Русское Зарубежье. История культуры русской эмигра-

ции, 1919—1939 гг.» готовится к печати в издательстве «Прогресс».

В. П. Борисов

Пять новых книг по истории математики

В данном обозрении рассмотрены пять книг, вышедших за последние три года: четыре издания за рубежом в 1990—1992 гг. и одна — в издательстве «Наука» в 1990 г. К сожалению, это издательство публикует лишь те издания, которые субсидируются «со стороны». Исключение составляют только научные журналы. Так, в 1992 г. увидела свет книга покойного профессора А. В. Васильева «Николай Иванович Лобачевский», субсидированная казанским культурным фондом «Интеллект XXI века»: 1 декабря исполнилось 200 лет со дня рождения великого геометра, родившегося и работавшего в Казани.

Следуя хронологии истории науки, я остановлюсь прежде всего на первом томе нового издания математических трудов Лейбница.

G. W. Leibniz *Mathematische Schriften*. B. I (1672—1676). *Geometrie, Zahlentheorie, Algebra* (I. Teil). Berlin: Akademie-Verlag, 1990.

Опубликованные при жизни математические сочинения Лейбница затем неоднократно издавались как на языке оригинала, так и в переводах. При этом частично использовались и рукописные материалы, хранящиеся в лейбницевском архиве Нижнесаксонской библиотеки. Важнейшие издания всех трудов Лейбница и литературы о нем до 1973 г. приведены в библиографии к статье «Leibniz» в *Dictionary of Scientific Biography*. С тех пор весьма полная аннотированная библиография регулярно публикуется в семестровом журнале *Straytia Leibnetiana*, ответственным редактором которого, как и директором названного архива, является проф. А. Хайнекамф (Heinekamp).

В 1923 г. Германская академия наук приступила к изданию полного собрания сочинений и переписки Лейбница; туда же вошли и многие архивные материалы. Изучение бумаг Лейбница уже давно начало приносить богатые результаты, раскрывающие ранее неизвестные стороны его творчества. Достаточно вспомнить исследования, проведенные в 1901—1903 гг. французским логиком Л. Кутюром (L. Couturat), который впервые изучил открытия Лейбница в области оснований математики, и недавние исследования берлинского профессора Э. Knobлоха (E. Knobloch), который впервые опубликовал хранившиеся в архивах тексты Лейбница по комбинаторике (1976) и теории определителей (1980). Тот же Knobloch совместно с В. С. Контро (W. S. Contro) издал и рецензируемый том, содержащий 146 тщательно отобранных и прокомментированных текстов по элементарной геометрии, теории конических сечений, теории чисел и теории алгебраических уравнений; впрочем, часть алгебраических материалов будет помещена во вто-

ром томе VII серии. Хотя существенных открытий эти фрагменты не содержат, тем не менее они важны для всестороннего изучения многогранного творчества великого мыслителя. Замечу, что содержание I и II томов VII серии резюмировано в статье Knobлоха «Рукописи Лейбница 1672—1676 гг.», напечатанной в «Историко-математических исследованиях» (т. XXIII, 1979).

В предисловии к данному изданию А. Хайнекамф выражает благодарность автомобильной фирме «Фольксваген» и правительственным учреждениям Нижней Саксонии, а также Геттингенской и Берлинской академиям наук за финансовую и деловую поддержку, без которой книга не увидела бы свет. За рубежом в практику вошло субсидирование научных и культурных мероприятий, причем это не облагается налогом. Поддержка искусств издавна практиковалась в России; в настоящее время неправительственными организациями довольно широко финансируется спорт. Было бы хорошо, если бы примеру казанского фонда «Интеллект XXI века» последовали и другие организации, субсидируя надлежащие научные мероприятия; правительственная помощь науке в данное время оказывается недостаточной.

D. J. Struik. *Yankee Science in the Making. Science and Engineering in New England from Colonial Times to the Civil War*. N. Y.: Dovers Publications Inc, 1991.

Автор книги — уроженец Амстердама, с 1923 г. работавший в Массачусетском технологическом институте (МТИ), крупный специалист по дифференциальной геометрии, человек прогрессивных взглядов и искренний друг нашей страны. Имя его известно русским читателям по «Краткому очерку истории математики», четырежды издававшемуся в русском переводе, где Стройк охватывает период развития математики вплоть до конца XIX в. В третьем издании появилась дополнительная глава, посвященная нынешнему столетию, автор которой И. Б. Погребынский (1906—1971).

Несколько своеобразно название книги. Это объясняется, по-видимому, тем, что слово «янки» произошло, по-видимому, из индейского прозвища первых английских поселенцев на северо-восточном побережье нынешних США, а «Новая Англия» — давнишнее название соответствующих ее штатов. Именно в Новой Англии начала складываться культура США и в ее крупнейшем городе — Бостоне, или его пригороде, находятся знаменитые Гарвардский университет, основанный в 1631 г., и не менее известный МТИ, открытый в 1865 г. Новая Англия сыграла выдающуюся роль в войне за независимость от британской метрополии 1775—1785 гг. и в гражданской войне 1861—1865 гг.